

84(2=632.1)

Б386

Бронтой
Бедюров

ВОЗРАСТ
ВОЛИ

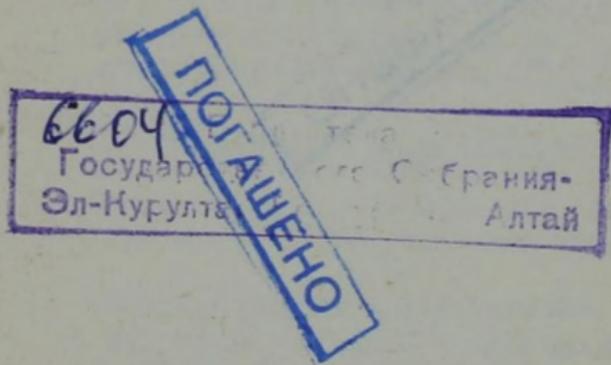

Бронтой Бедюров

ВОЗРАСТ
ВОЛИ

СТИХИ

Перевод с алтайского

Москва • Советский писатель • 1983

ПЕСНИ

ПЕСНЬ О СЕМИНСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

На Семинском горном перевале
кедры, словно стражи, на пути
предо мной с немым вопросом встали:
«Есть ли силы, чтоб вперед идти?»

И ветра тугие здесь с размаха
бьют в лицо, как будто говорят:
«Коль не дрогнешь, проходи без страха,
отведешь свой взор — пойдешь назад».

На Семинском вольном перевале
не о счастье дерзко я мечтал,
но о том, что в синей этой дали
я осилю все же перевал.

За крутым Семинским перевалом
я к мечте заветной начал путь.
Чуйский тракт — судьбы мое начало —
устремленьем мне наполнил грудь.

Мчались табуны коней ретивых.
Груз тоски я сбросил с крепких плеч.
Шел устало долгой Вечной Гривой,
чтоб ее однажды пересечь.

Никому не открывал покорно
путь Семинский гордый перевал.

Пело сердце юное упорно,
и огонь в глазах моих сверкал.

— До свиданья, — говорю вам, — кедры,
до свиданья, стражи горных круч.
Вновь сюда, исполнен крепкой веры,
я вернусь сквозь снежный холод туч.

На Семинском светлом перевале
на крутой вершине вижу я,
что тугим арканом в синей дали
Чуйский тракт внизу скользит не зря.

Небо озаряется восходом.
Расступитесь, горные хребты.
Сын Алтая, я отсюда родом,
путь мой начат с этой высоты.

ПЕСНЬ ЮНОШИ

Передо мной пути-дороги,
дано мне право выбирать,
изведать вечные тревоги,
стремленье сердца угадать.

Что делать, коль преграды встанут
и ветры бурю принесут?
И сколько лет поймать арканом
смогу, исполнив жизни труд?

И сколько лучших лет, как песню,
сумею все-таки сложить?
Не стать мне мудрецом чудесным,
чтобы судьбы провидеть нить.

Но я отвечу без сомненья:
чтоб кручи эти одолеть
и рек неистовых течение —
я должен песнь судьбы пропеть,

и пусть меня стихотворенья
среди жизни пестрой маеты
вдруг вознесут в одно мгновенье
на крыльях дерзостной мечты.

* * *

Если бы горы раскрыли с трудом
полные света глаза,
чтоб на ресницах, овеянных сном,
засеребрилась слеза,

мир неизведанный ожил бы вмиг,
а из глубоких низин
сразу бы шум многозвучный возник —
голос немолчных долин.

Горного ветра пронзительный свист.
В скалах — пещеры, как брешь.
Светится снег — он нетронут и чист.
Воздух прозрачен и свеж.

Не обжигаясь, научен я пить
воздух высоких вершин —
пусть приведет обнаженная нить
в мир, что издревле един.

Пусть оживут наяву, не во сне
образы старых времен.
И не случайно почувдится мне:
чьим-то я взглядом смущен.

Пристальный взгляд — как наследье веков.
Память, как скорбь, не стереть.
Родина, вновь я к познанию готов,
повелевай мной и впредь.

Вижу улыбку проснувшихся гор
в снежном и чистом венце.
Буду я помнить ее с этих пор
и сохраню на лице.

ВОЗРАСТ ВОЛИ

Вот земля, где окликнет ушедшее детство,
где от прошлого мы получили в наследство
эту чуткую поступь звенящих шагов,
горы, к солнцу плывущие в дымке туманной,
чистой песней зовущие нас непрерывной, —
как здесь слышится явно дыханье веков!

Вот земля, по которой дороги струятся,
приучившие нас ничего не бояться,
мы с рассветом уходим по ним кто куда,
сотни рек, синим пламенем плещущих в небо,
запах свежего, сладко-осеннего хлеба,
безмятежно бродящие в травах стада.

Юный, древний народ, сквозь года прорастая,
мы тверды и нежны, в возраст воли вступая,
закаляясь в свершениях, в мирных боях,
что отцы начинали — сегодня достроим,
разожжем очаги, и созвездья откроем,
и продолжим себя в дочерях, сыновьях.

ЗИМНЯЯ ПЕСНЬ КОМУСА

Сестры-сосны, взобравшись на склон,
сбились в рощу, глядят на долину,
где, снегами почти занесен,
санный след разделяет равнину,
и стоят, зачарованы днем,
что-то дальнее слушая в нем.

И стога, что в окрестных логах
терпеливо дремали всю осень,
побурев на знобящих ветрах,
взор кидают в холодную просинь,
но почти и не слышится в ней
заблудившийся посвист саней.

Нет, долина светла и пуста,
лишь забьется порошею песня,
то растает в снегах без следа,
то опять улетит в поднебесье
озорной немудреный мотив,
без которого трудно в пути.

Это, видно, парнишка-пастух,
что живет первый год на стоянке,
мчит домой, и летят во весь дух
тонкой кожей подбитые санки.
Даже песня, что парень поет,
как ни рвется вперед, отстает.

* * *

Огибая громадину Эль-Бабургана,
эти воды режут и режут неустанно,
за собой на камнях оставляя слезинки,

что кипят и сверкают в предутренней дымке.
Отчего же ей нужно стенать, клокотать?
Или жаль ей родимый Алтай покидать?
Может быть, оказались глухими пути
и по древней земле ей уже не пройти,
или рядом живущий веками народ
больше песен протяжных над ней не поет?
Нет, неверно! Но если все это не так,
отчего же беглянка пропала в кустах,
чтоб, за Эль-Бабурганом возникнув, опять
к морю злomu, студеному путь свой держать,
эй, зачем? —
чтоб застыв, засыпать подо льдом?
Возвращайся, Катунь,
сказкой, песней, дождем...

ПЕСНЬ СИНЕГО ВОЛКА

К небу задрав остроносую морду свою,
волчью извечную песню пою.

Трудно сегодня ее выводить,
эту последню песнь,
если, устав по следам моим легким ходить,
смерть подала мне весть.
Все же начну я бешеный бег,
чтобы на кончиках серых ушей
ветер повис, а летящий навстречу снег
заревом вспыхнул в волчьей душе.
Звонко ворвется в ноздри тогда
запах кочевий и дым костра,
чуткая Ночь, как всегда,
ляжет в распадке послушать меня до утра.
Пусть я не молод, и это — последний мой год,
но не собоюсь на шажок,

молча бегу, устремляясь вперед,
точно рассчитываю прыжок.
Я, синий волк,
заведя непослушную песнь,
вам говорю —
в схватках изодранный весь,
требовал я
только честную долю свою.
Но пронеслись бледноликие годы, кивнув на бегу,
и, оглянувшись, увидел вдруг я,
что перед всеми в долгу,
отнято все, даже нежность — защита моя.
В круглых бездонных моих глазах
волчьей повадки сегодня нет,
в скорбных слезах —
желчь тонкошеих голодных лет.
Плакал я, помню, когда надо мной
люди смеялись в черные дни,
но как взвивался мой радостный вой,
если рыдали они.
Нет, никогда не завидовать мне
бывшим собратьям домашним моим,
ждущим подачи, живущим в тепле,
трусам, считающим мир человека родным.
Страх я всегда презирал и приветствовал смерть,
гибель в отважном бою,
видно, поэтому в силах сегодня пропеть
песню мою,
кликом ликующим жуткую даль огласить
и увидеть, как в громаде ночной,
словно желая меня подбодрить,
брызги рассвета взлетят надо мной.
Треснет сухая морозная ветка в лесу,
вылетит, вздрогнув, из тела душа, закричит,
ночь, подхватив ее и покачав на весу,
в звездное небо умчит...

я спешил к тебе, словно мечтой подгоняемый странной,
шел долиной, тропею скалистой на встречу с судьбой.

Я пришел, запыленный, усталый, продрогший до боли,
и она, моя нежная, — вовсе ко мне не придет,
а мой конь-аргамак — видно, где-то пасется на воле,
нет и песни — такой, что на горных вершинах живет.

Я ли в том виноват, что ты песен моих не расслышал,
но прошу тебя все-таки: снова во мне отзовись.
Знаю, путь, что ведет к тебе, будет и круче и выше,
заповедный мой мир, заповедная синяя высь.

ПЕСНЬ О ТОРЕ¹

Черным лесом поросшие склоны,
где звериный почувствуешь взгляд,
где, как воины в шлемах зеленых,
вековые курганы стоят,

юный всадник, что стелется в спешке,
горделивая удаль коня, —
этот мир, неизбывный и вешний,
пред глазами всегда у меня.

Тихо радуга полудня вспыхнет
на плече у горы Тектиреш,
тетивою оборванной стихнет,
уступая вечерней поре,

и тогда зазвенит, заиграет
на груди у горы Самарган
предзакатная радуга, краем
зацепив самый дальний курган.

¹ Т о р — закон, уложение.

Неприметная сизая птичка
о заботах щебечет в логоу.
Ах ты, птичка моя, невеличка,
всем, чем хочешь, тебе помогу.

Что ж поделаешь, если годами
отмеряться дорога пошла?!
Но послышится вдруг за плечами
дальний голос родного села.

И, не в силах стреножить волнение,
с полдороги назад поверну,
можжевеловый дым очищенья,
припадая к долинам, вдохну.

Все на свете кругами своими
среди житейской идет быстрины,
даже самое звонкое имя
звук пустой без родной стороны.

Разве может быть что-то достойней,
чем трудиться да сына растить
да глядеть, чтобы отчие корни
он не смог никогда позабыть?

Нужно жить, чтобы в радость казался
трудовой обжигающий пот,
чтобы тор нерушимо держался
даже в цепких объятьях невзгод.

Это главная в мире забота,
без которой нет жизни тебе:
о продлении родины, рода,
о народной, родимой судьбе.

ПЕСНЬ О КЕДРЕ-ЧЕЛОВЕКЕ

Н. К. Рериху

Сюда, на яйлю¹,
на просторные полы альпийских лугов,
я нынче пригнал с пастухами стада.
Бичей пересвист да шум голосов,
неистовый рев скота
заполнили воздух, далёко вокруг разнесясь,
о нас возвещая таящимся в скалах векам,
и эхо, несчетно в горах повторяясь,
легло, обессилев, к ногам.

Но дальше мой путь,
и все чаще вздымается грудь.
Отважно и чутко, в плаще тишины,
стремлюсь я к серебряной гриве скалистой волны,
чтоб, словно в меха, трепеща и ликуя, втянуть
в себя дух Алтая, дух юной и вечной страны,
поднявшись на Юч-Оме-Бек²,
услышать среди расплескавшихся волн
воздушного моря, вобравшего тысячу рек,
суровые грозы ушедших, пришедших времен.

Вдруг ноги мои
начинают сквозь лед прорастать,
и дальше, сплетаясь подобно корням, в глубину
уходить,
а волосы, жажда могучими космами стать,
готовы по ветру свой трепет пустить.
Я кедром стою,
и как будто впервые сейчас

¹ Я й л ю — высокогорное пастбище.

² Ю ч - О ме - Б е к (Три дружных бека) — гора на Алтае.

увидел пугающий этот простор,
и девять молочных озер
сегодня вошли в глубину моих глаз
и в них отразились уже навсегда
мерцающим, карим, медлительным светом своим.
Утесов гряда
сливается с небом, пронзительным и голубым.
О, сколь величава холодная эта краса,
как свеж можжевельник и дик.
Глядят мои карие, с влагой озерной, глаза,
вбирая, вбирая... Ну, что же, гляди...

А в сизой долине,
внизу, далеко-далеко,
над крышами струйками ввысь подымается дым,
увидишь его,
и сразу повеет знакомым, родным,
и нет больше чар колдовских, дивных сил,
и падает с плеч тишина,
и ты человеком окажешься, ты им и был
во все времена.
Гляди, как высоко дымы пролегли,
как тучи не могут с зарей совладать,
чтоб истинный облик родимой земли
увидеть, понять.

ПЕСНЬ О КОВЧЕГЕ

Кочевник, в надежном и вечном ковчеге,
я снова
плыву по просторам великого Моря Степного,
на мачту взобравшись легко — на макушку Алтая,
гляжу на восход и закат, звездный час ожидая.
А те, кто со мною в пути хлеб и воду делили,

лишь берег завидя, ушли, обо всем позабыли,
спеша, гомоня,
слову брата не внемля...
Следы их теперь не отыщешь в распаханых землях.
А я все плыву, и конца нет простору,
и рано ли, поздно, — в какую-то пору,
я знаю, что хватятся люди ковчега,
огни на курганах моих позовут человека,
и смутною памятью в сердце его шевельнутся
растенья и воды, прося поскорее вернуться.
Идите обратно, я с вами готов породниться,
но, чур, уговор, — вам придется учиться
мудрее быть, краше,
стать другом и зверю, и птице,
их речь понимать, ведь она первозданнее нашей.
Сбирая по крохам великое знание природы,
сквозь времени волны — сквозь годы,
когда всему сущему братьями станем,
мы к новому берегу путь свой направим,
навстречу всем будущим испытаньям.
Наш мир — это общий ковчег на стезе мирозданья.

ПЕСНИ ЗОЛОТОЙ КУКУШКИ

Чингизу Айтматову

На вершине горы серебристой,
у молочного теплого озера,
на макушке железного тополя
сидит золотая кукушка,
сидит и кукует звонко.

Улетает ее кукованье
в голубые просторы Алтая,

в чужеземные дальние страны,
и от этого вечного пенья
распускается мертвая ветка,
в голых землях цветы вырастают,
молоком наливается вымя,
серый пепел огонь возрождает,
и котел наполняется мясом,
а мой край, мой Алтай опустевший,
оживает...

Птицы в гнездах и звери в чащобах
словно пьют эти звонкие клики,
как обычно, день сменится ночью,
а зима, как ведется, весной,
но одно неизменно на свете —
на вершине горы серебристой,
у молочного теплого озера,
на макушке железного тополя
сидит золотая кукушка,
сидит и кукует звонко.

Так о чем же вещает живому
неумолчное пенье кукушки?..
О Земле и Воде, и о сыне
этих буйных стихий — Человеке,
что кукушку конечно же слышит,
только сердцем ли слышит кукушку?..

* * *

О снисходительная наша Мать,
все сущее
всяк, кто живет на свете,
твои, Природа, дети,
их невозможно сосчитать.
А самый младший — это Человек.

О как еще он слаб
и неразумен!
Какую жизнь судьба ему рисует,
какой подстерегает новый век?

* * *

Человек появился в мир
голым, дрожащим, кричащим.
Но держал он в руках золотую стрелу.
Эта стрела подарила свет,
самый ярчайший,
чтобы рассеять мглу.

* * *

Прочна колыбель Человека —
младшего сына Природы,
щедра ее длань, и будет
вовек Человек не один,
пока не порвет пуповину
во имя дикой свободы,
пока не забудет: не царь он,
а только лишь младший сын.
Прочна колыбель Человека —
младшего сына Природы,
пока он моря не расплещет
и горы с пути не свернет,
пока зовущие звезды
не уберет с небосвода,
пока бессловесных братьев
всех он не перебьет,
пока он стрелу золотую
Природе в лицо не нацелит,
малый и неразумный,
гибель свою торопя...

55605 576744
ПОГАШЕНО

Библиотека
Государственного собрания
Республики Алтай
ПОГАШЕНО

Национальная
Библиотека
Республики Алтай
им. М.В. Чехалова

Природа, любя и жалея,
качает его в колыбели,
чтобы подрос скорее,
чтобы познал себя.

* * *

Однажды
сразишь ты меня, золотую кукушку-певунью.
Под тополем рослым, железным
огонь разведешь.
Зажаришь, и съешь мою голову, и уснешь.
Приснится тебе дивный сон,
и, блуждая в его закоулках,
не будешь ты ведать о том,
что огонь охватил
подножье железного тополя.

* * *

И только когда
озверевшее пламя
накинется жадно на крону,
и ветви железные
с грохотом
падать начнут, обрываясь,
в молочное озеро,
вскричит мараленок,
чью мать ты сразил поутру,
и голос его донесется
до высей девяносто девятого неба,
и голос его донесется
до тверди семьдесят седьмой земли.
Неистовый рев наконец-то
пробудит тебя, неистовый рев —
голошенье Природы.

Еще полусонный, ты вздрогнешь,
и ноздри твои защекочет пожараща дым,
огонь подберется к тебе,
чтоб сердце поджечь,
о, горе! как с ним совладаешь, с огнем?!

* * *

А пока не настала беда,
я сижу — золотая кукушка —
на вершине горы серебристой,
у молочного теплого озера,
на макушке железного тополя,
громко-громко кукую,
встречая восход и закат,
возвещая времени ход,
кукую, чтоб слышали все...
кукую... есть время еще
моему кукованью.

ПЕСНЬ-ОТВЕТ ХАН-АЛТАЯ

— О Алтай наш солнечно-лунный,
ты настрой на топшуре струны,
расскажи, как нам дальше быть,
силу вольную не избыть,
чтоб горел, не погас очаг,
чтобы наш батыр не зачах? —
говорят, так вскричал однажды
стихотворец один отважный,
от отчаянья возрыдав,
всех соседей вокруг собрав.

Говорят, Хан-Алтай нахмурил
величаво свое чело,

нити горных хребтов, как складки,
по лицу побежали зло,
заметались в ущельях тени,
и туман на долины пал,
словно мудрый кайчи¹, с презреньем
он громово зарокотал:

— Я единожды отвечаю,
только раз в полтысячу лет,
так внимай же, хотя, я знаю,
не утешит тебя ответ,
неразумны твои вопросы,
а еще бестолковой слезы,
и зачем ты их — не пойму —
льешь к подножию моему.
Ведь тому, кто и жнет, и сеет,
кто в привычном труде возрос,
жизни суть не в пример яснее,
и бессмысленен твой вопрос.
Нет народу большого дела
до того, что он мал числом,
за себя постоит он смело,
злые ветры не пустит в дом.
Кто изведаль борьбу и тленье,
славу, гибель, событий ход,
свято веруя в возрожденье,
в простоте на земле живет.
У народа душа такая,
что вмещает весь белый свет.
Как же можешь ты, причитая,
хоронить его в цвете лет?!
Ты его узнавай по делу,
по решительности зрачков,
будь с ним вместе душой и телом,

¹ К а й ч и — певец эпических сказаний.

обойдась без никчемных слов.
Испытав сто земных тревог,
что ты скажешь потом, пророк?

Так изрек Хан-Алтай и тучи
отогнал от седых вершин,
ниспуская свой свет летучий
на зеленый ковер долин,
где народ, как и встарь, живет,
нерушимо ведя свой род.

ПЕСНЬ ОБРЕТЕНИЯ СИЛ

Я силы душевные вновь обретаю,
когда приближаюсь к родимой земле,
когда припадаю к родному Алтаю,
и речь его слышится гулом во мгле.

Вдали от Алтая мне слов не хватало.
Не в силах сомнений своих победить,
перо уже не раз оставлял, я, бывало,
в молчанье хотел красоте послужить.

Я только лишь малая ваша частица,
язык мой, народ мой, природа моя.
И дереву выпало счастье родиться
на воле и листьями сыпать, звеня.

И я проникаю в созвучий истоки
корнями звенящих бушующих слов.
Сомнений и слабости кончились сроки,
и я победил, я к работе готов.

Тревожные вздохи в груди подавляя,
вошел я в природу, как в храм красоты,
вошел я в природу родного Алтая,
увидел я землю с вершин высоты.

ПЕСНЬ ОБ ЭН-УЧУК — ДОЛГОЙ ГРЯДЕ

О священные камни твои, Эн-Учук,
мы истерли подошвы тяжелых сапог.
В час, когда нас беда замыкала в свой круг,
ты один нас укрыл и один нам помог.

И на склонах лесистых твоих, Эн-Учук,
мы спасли животы — жизнь народа спасли.
Долго враг ненавистный теснил нас вокруг,
сапоги наши были в дорожной пыли.

Жизнь спасая свою, мы спасали Алтай.
Мы взошли на вершины таежных хребтов,
чтоб навеки свободным остался наш край,
чтоб народ не усвоил привычки рабов.

И недаром сравнили хребет Эн-Учук
с сухожилием крепким оленьей спины.
Наш спаситель-гора, наш отец и наш друг,
наши лучшие песни тобой рождены.

Защитил нас священный наш Эль-Бабурган,
спас навеки от злобы кровавой врага.
И тодошам был путь возрождения дан —
роду Синего Волка. Трудна и долга

ты, дорога народа, от черных пещер,
что на северных склонах Алтай укрывал,
от вершины горы, от заоблачных сфер,
до Катунь родной, где начало начал.

ПЕСНЬ О РАЗОРЕНИИ АЛТАЯ

О если б сверху вдруг единым взором
увидеть величавый Хан-Алтай,
где высятся вершины гор дозором
и охраняют заповедный край.

Но удивись и замрешь в молчанье,
увидев Хан-Алтай со стороны, —
вершины гор на дальнем расстоянье
застыли, словно вал одной волны.

Как плети, тянутся хребты прямые.
Мы пуповиной связаны с тобой,
о Хан-Алтай, и в годы роковые
здесь приняли мы страшный смертный бой.

Обагрена струя Катунь кровью.
Не волны, а тела несет Иртыш.
И нет спасенья от беды суровой:
о Хан-Алтай, ты в пламени горишь!

Покинуты осенние стоянки.
Кровь запеклась, как бурая трава:
умолкли на пригорках и полянках
счастливых песен светлые слова.

С предсмертным ржаньем сказочные кони
хрипя упали, гривы разметав.

Здесь воин передал в последнем стане
любовь к земле, и смял цветы рукав.

Сверкали острые мечи и сабли —
здесь вышли сыновья на смертный бой.
На помощь им, чтоб силы не иссякли,
и дочери с ножами встали в строй.

О красные раскидистые сосны,
кренясь под ветром, вам не пасть ничком.
О Хан-Алтай, в веках победоносно
тебе стоять — ты наш оплот, наш дом.

ПЕСНЬ ШУНУ

*По народному преданью, Шуну не погиб,
но ушел в пределы России.*

Конь-аргамак нетерпеливый
давно уже копытом бьет.
И, нежно глядя его гриву,
моя подруга слезы льет.

Любимая при расставанье
припала к стремени щекой,
услыша голос расстояний
с российской снежною тоской.

Есть шесть углов на белом свете,
изгнанник, я смотрю вперед:
сквозь все предательства, наветы
идет в грядущее народ.

Смотри, созвездие Семь Ханов,
я — муж по имени Шуну,
по зову сердца сквозь бураны
уйду в России глубину.

ПЕСНЬ О ДЬЕР-СУ

Воздухом, чистым, как этот,
где мне еще дышать?
Землю, такую, как эта,
где мне еще найти?
Небо, такое, как это,
сроду не увидеть.
А от народа можно
только со смертью уйти.

Это —
воздух свободы, зовущий в безумный полет,
это —
матерь земля, что щитом накрывает героя,
это —
небо высокое, чистое и голубое,
это —
с грудью гудящей, как колокол, вещий народ.
Прост и горек язык, уходящий корнями во тьму,
с небывалой судьбой, просквозившей чрез двадцать
столетий,
в нем — напев колыбельной и бешеный ветер,
но по древности с духом никак не сравниться ему.
Ибо дух — это воздух, и небо, и вещий народ,
это — матерь земля, горделивая матерь Алтая,
это голос Дьер-Су, что извечно в народе живет,
иногда затихая, но не затухая...

¹ Дьер-Су (Земля-Вода) — символ родины в алтайском эпосе.

ВОЗЖИГАНИЕ ОГНЯ

О приди, Огонь,
ярче возгорись!
Протяну ладонь —
поднимайся ввысь.
Алый, золотой,
встань передо мной!
В дымоход скользни
яркою звездой
и в лицо плесни
жаркою волной.
Я к тебе, Огонь,
всей душой стремлюсь,
протяну ладонь —
кююс¹, кююс!
Из золы сейчас
вновь живым восстань
и прими от нас
уваженья дань.
(И, вырастая,
он словно бы мчится,
быстрый, как заяц,
крылатый, как птица!)
Оближи бересту
красным языком,
зыркни глазом острым
и взмахни крылом.
Пламя к нам пришло,
о, Огонь-крыло,
я с тобой смеюсь —
кююс, кююс!
Алый, золотой,
встань передо мной!

¹ К ю ю с — ритуальное восклицание.

БУРХАНИСТСКИЕ ПЕСНОПЕНИЯ

У возвышенья алтаря —
священный холмик пепла.
Над ним пылает, как заря,
знак негасимый, светлый:

да будет явлен в сердце нам
тот, сорока бурханов, храм!

Есть перед божеством огня
священный холмик пепла.
Над ним горит, светлее дня,
знак негасимый, светлый:

да будет явлен в сердце нам
тот, тридцати бурханов, храм!

У возвышенья алтаря
свет четырех лампад —
как сорока бурханов взгляд,
что ярче, чем заря.

Пусть десять теплится лампад
пред божеством огня —
как тридцати бурханов взгляд,
чья сила ярче дня.

* * *

На свете есть ларец серебряный заветный,
а в нем есть с солнечным узором шелк.
И будет дан Луне и Солнцу знак заметный,
знак, что владыка наш пришел.

И есть ларец на свете золотой заветный,
а в нем с узором лунным тонкий шелк.
И на светилах будет знак победный,
знак, что владыка сердца к нам пришел.

ПОХВАЛА ЖЕНЩИНЕ-МАСТЕРИЦЕ

Ты от края и до края
шов с изнанки поведешь.
И легко, словно играя,
вдруг иголкой сверкнешь.

Синевою отливая,
пусть иголка тянет нить.
Прочно шов соединяя,
все, что хочешь, сможешь сшить!

И не зря в народе слава
о твоих руках идет.
Воздают тебе по праву
уваженье и почет.

Соберешь умело шубу,
кошмы, мягкие ковры
служат всем — и видеть любо
рукоделия дары.

ПРИЗЫВАНИЕ ВЕТРА

I

Дуй-ка, ветер, прямо к нам!
Подарю тебе я шапку,
шапку старую отдам

и мякины дам охапку.
Очень трудно без тебя.
Мне зерно провеять надо.
Для кочё¹ бы ячменя
приготовить всем на радость.
Белой шелухи отдам
и отдам мякины гору.
Прилетай быстрее к нам,
прилетай же очень скоро!

II

Почисть берестяную юрту
и все пылинки прихвати,
почисть и войлочную юрту,
коль встретишь на своем пути.
Всю пыль, и грязь, и все песчинки
подальше унеси скорей.
Расправь примятые былинки,
прохладой ласковой обвей.

ПЕСНЯ ВАЛЯЛЬЩИЦ ВОЙЛОКА

Шерсть пушистая, густая —
шестьдесят овец остригли!
Плотный войлок мы скатали,
по краям узор пустили.

Есть на войлок белоснежный
шерсть от сорока овец.
Пусть узор на нем прилежно
вьется из конца в конец.

¹ Кочё — кушанье.

ПЕСНЯ ПРИ ВЫДЕЛКЕ КОЖИ

Шкуру твердую овечью
я руками разомну.
Не трудилась бы, так вечно
знала бы нужду одну.

А из толстого сафьяна
вышитый чепрак сошью.
Буду я работать рьяно,
лютый голод отгоню.

СЛОВО ДЛЯ ИЗГНАНИЯ ИЛИ УСПОКОЕНИЯ ВЕТРА

Эй, старуха с желтым ликом,
потуши костер.
Улетай в порыве диком
прочь в степной простор.
Даже тлеющие угли
в гнев затопчи —
чтобы искры все потухли
звездами в ночи.
Ты мехами раздуваешь
реющий огонь.
Эй, хозяйка ветра злая,
наш покой не тронь.
Да пойми, мужчин отважных
ты не устрашишь.
Женщина коль слово скажет —
первой замолчишь.
Ты прикрой свои глазищи,
сгинь в степи пустой.
А не то тебя разыщет

дух тоски крутой.
Что ты юрты полог треплешь,
скоро ль улетишь?
Жертвенный дымок затеплим —
дай покой и тишь!

СЛОВО ПРИ БОЛЕЗНИ КОРЬЮ

Когда у ребенка появляются признаки кори, в доме все моют:

пол, окна, мебель, посуду. На окна вешают чистые занавески, стол накрывают белой скатертью, ставят угощение: аарчы, курут, молоко, печенье, сладости. В переднем углу развешивают новые женские платья и платки.

Больного ребенка одевают во все красное, красным же застилают постель. Голову ребенка повязывают красной лентой. Семья переодевается в праздничное. Так ждут невидимого прихода матушки Кори (Кёр-Эне), служительницы Талай-хана, духа моря-океана. Матушка Корь является в дом незримо и неслышно, это она «переваривает» тело больного и делает его более крепким.

Каждый день глава семьи окуривает больного ребенка душистым можжевельником. Утром и вечером в открытую дверь брызгают молоком.

По выздоровлении ребенка, в первое же половодье, глава семьи плетет из тальника небольшой плотик, на него ставят угощение и пускают вниз по течению реки — к Талай-хану. При окуривании можжевельником произносится сёз — слово к матушке Кори. Вот сёз мой, Бронтоя Бедюрова, в пору болезни сына:

О, досточтимая Кёр-Эне,
чуть заиграет зорюшка,
чуть засверкает солнышко,
я, запасясь терпением,
вам приношу кропление,
матушка Кёр-Эне.
В шелк и парчу одетая,
ликом открытым светлая,
неуловимая странница,
вы — Талай-хана посланница,
матушка Кёр-Эне.
Выйдя из моря белого,
выйдя из моря синего,
доброе дело делая,
вы сохраните сына мне,
матушка Кёр-Эне.
Пусть он растет, не клонится,
пусть почитает старшего,
пусть его жизнь наполнится
жизнью народа нашего,
матушка Кёр-Эне.
Чтобы с восходом солнышка,
чуть заиграет зорюшка,
с веткою можжевеловой
сёз над ребенком пел бы он,
матушка Кер-Эне.

ПЛАЧ СОРОКИ

Чийк, чийк, чийканак!
Щука серая, глазастая,
с длинною зубастой пастью,
не найду дитя никак!
Не могу дитя найти.

Может, плот из камыша
сделать, чтоб настичь в пути
озорного малыша?
Чийк, чийк, чийканак!
По совету молодых
гнездышко я кое-как
здесь на веточках кривых
деревца

свила шутя.

Щука с длинной острой пастью,
видела ль мое дитя?
Щука серая глазастая!
Может, плот из тростника
сделать, чтобы в водах вешних
мою детку разыскать?
Лью я слезы безутешно.
Чийк, чийк, чийканак!
Слову старших вопреки
все я сделала не так,
выбрав место у реки.
Если б я гнездо свила,
следуя совету старших,
я бы слезы не лила.
Как тоскливо мне и страшно!
Лишь на крепкой и высокой
ветке надо гнезда вить.
Чтобы счастье сохранить,
следуй мудрости глубокой,
если сам себе не враг,
чийк, чийк, чийканак!

А так напевает мать своему ребенку после «сорочьего плача»:

А тебя, мое дитя,
половодьем не подхватит.

Ветер, вихрями крутя,
не сорвет тебя с кровати.
А когда ты подрастешь,
если будешь на сороку
глупым разумом похож,
то ни в чем не будет проку.
Старших слушайся всегда,
спрашивай у них совета,
и тогда тебя беда
не возьмет на белом свете.
Спи, сыночек, баю-бай,
поскорее вырастай,
мама песенку споет,
а сорока унесет.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ МАТЕРИ

Спи, любимый мой сыночек,
баю-баю, дорогой.
Даже самой темной ночью
сберегу я твой покой.

В темноте ночной устало
колыбель твою качну.
В мире есть дорог немало,
выбирай из всех одну.

Будешь ты, сыночек, вскормлен
материнским молоком.
Кап¹ я впрок наполню вскоре
самым лакомым куском.

¹ Кап — кожаная сумка.

Где из шелка, где из ситца,
к лоскуточку лоскуток,
одеяльце, чтоб укрыться,
я сошью тебе, сынок.

Эдигей¹ я приготовлю —
молоко от двух коров
принесу домой с любовью,
будешь ты, сынок, здоров.

А из шкуры мараленка,
что всегда берется с ног,
для тебя, родной мальчонка,
будет мягкий сапожок.

Аарчи я приготовлю —
молоко шести коров
принесу домой с любовью,
будешь ты, сынок, здоров.

Пусть резвится жеребенок
и копытцем бьет в степи.
Голосок твой милый звонок,
баю-бай, сыночек, спи.

Жеребенку-аргамаку
лунокрылым стать конем.
Трав священным ароматом
я окуривала дом.

Будь же ты, мой сын, достоин
и народа, и отца.
Спи, добра прекрасный воин,
тьма отступит от лица.

¹ Эдигей, аарчи — молочные творожные изделия.

СЛОВО ОГНЮ ПОСЛЕ УДАЧНОЙ ОХОТЫ

Смело взвейся в этот час
ввысь, огонь, алас, алас!¹
Жарким пламенем восстань.
Видишь, уваженья дань
мы тебе приносим вновь.
Пусть дымится мяса кровь,
брызнем чаем, молоком.
Окурим тебя дымком —
вереск с горных диких круч
ароматен и пахуч.
Угощайся, От-Эне,
будешь ты сыта вполне.
Взвейтесь, сорок языков,
тридцать огненных голов!
Взвейся, наша Дева-Мать,
дай глазам тебя узнать.
Ты в шелку из алых струй —
оп-куруй, оп-куруй!

Мы ходили по горам,
счет теряя трудным дням.
Мы искали птиц, зверей.
Стал нечетким след ступней
ослабевших наших ног.
Каждый станом изнемог.
Вся одежда отсырела,
и обутки в самом деле
мокрыми от снега стали.
Мы замерзли и устали.
О согрей нас, От-Эне,
на своем примчись коне.
С нами ты всегда добра,

¹ А л а с, о п - к у р у й — восклицания огню.

быстрой молнии сестра.
Взвейся, шелк багряных струй,
оп-куруй, оп-куруй!

Впрочем, честно говоря,
были мы в тайге не зря.
И удачей через край
одарил нас Кудан-Бай¹.
Зверь когтистый — сам медведь —
приходил на нас смотреть.
И рогатый зверь — марал —
пулей скошенный упал.
Зверь пугливый — кабарга, —
в нем добыча дорога:
ведь достоин слов хвалебных
мускуса комок целебный.
И не счесть других зверьков —
белок, зайцев, колонков.
В общем, мы не дали маху.
Мы поймали росомаху —
то разбойница была,
к нам припасы съесть пришла.
От-Эне, испей сначала
кровь горячую марала,
и косули печень съешь —
лаксмый кусочек свеж.
Видим светлый лик в огне —
ты ждала нас, От-Эне!
Мы пришли к тебе с дарами,
так возрадуйся же с нами,
в золотом багрянце струй,
оп-куруй, оп-куруй!

Не дадим тебе узнать
голода, о Дева-Мать!

¹ Кудан-Бай — покровитель охоты.

Не дадим тебе остыть,
не дадим дождям залить.
Ты готовь нам вкусно пищу,
жарко согревай жилище.
Чаю мы наварим здесь,
мяса будем вдоволь есть.
Будешь с нами, От-Эне,
слушать быль о старине.
И очаг твой пусть вовек
не разрушит человек.
Взвейся шелком алых струй,
оп-куруй, оп-куруй!

* * *

Пусть приумножатся стада
на пастбищах обильных,
но весь твой скот падет, когда
джут грянет непосильный.

С деньгами будешь ты богат —
но вдруг в одно мгновенье
они, как воды, отзвенят
в неистовом теченье.

Но есть богатство, что огонь
не сможет сжечь до пепла.
И чтоб добра была ладонь,
и чтоб душа не слепа,

чтоб дверь Алтая отворить
вмиг потаенным словом,
ты должен в жизни свято чтить
познания основу.

Народ в провидческих словах
искал единый корень
существования в мирах,
волшебных, непокорных.

* * *

Что сладостней всего, ответь? —
всего нам слаще сон.
Что горечь шлет со всех сторон? —
всего нам горше смерть.

Что мягче, что всего нежней? —
лишь матери рука.
Что жестче, что всего грубей? —
по родине тоска.

А что для нас всего сильней? —
хлеб, что едим всегда.
Что, вещее, всего бодрей? —
лишь наше сердце, да.

Что самым тонким назовешь? —
души багряной нить.
Мгновенье можно ль сохранить? —
жизнь — миг, пока живешь.

Что истинно великим звать? —
путь, где лежит завет.
Что в вечном будет пребывать? —
Алтай, Сумеру¹ свет.

¹ Сумеру — гора Белуха.

ТЫСЯЧЕУСТОЕ СЛОВО-ЧЕЧЕН

* * *

Взгляну ли вверх — родные небеса,
взгляд опущу — кругом земля родная.
От счастья на глазах блестит слеза,
и зреет песня, зренье затмевая.

* * *

Навеки дается нам в жизни отец,
и мать свою, дети, всегда берегите,
и родина крепнет сияньем сердец,
ведь сердце — любви нашей чистой обитель.

* * *

Что значит песня, если в ней
нет жара-попыханья?
Что человек среди людей —
без пламени дыханья?

* * *

Нацелил сокол острый глаз —
за дальнею добычей.
Вот так же мудрого рассказ
узрел веков обычай.

* * *

По всходам можем мы понять,
какого урожая ждать.
И человека неужели
увидеть можно с колыбели?

* * *

Глазам открыт весь обозримый путь,
а сердце зрит невидимую суть.

* * *

Шей дочери к свадьбе наряд,
а сын пусть готовится к битве —
так в Чуйской степи говорят,
и мудрость тех слов не забыта.

* * *

Слова мужчины вдруг я услышал —
и в воздухе как прозвенел металл.

* * *

Не знал ты предвестника новых дорог —
черемухи белой и нежной?
Прими же судьбою назначенный срок
и в путь отправляйся поспешно.

* * *

Сиянье женской красоты
пусть радует нам глаз.
Прекрасны мужества черты,
когда не напоказ.

* * *

Любовь таит свое очарованье,
а без него так сердцу сиротливо:
вот так же гаснет родника мерцанье,
когда березки нет над ним счастливой.

* * *

Неужто покажется небо пустым
без туч и наскучит лазурь?
Неужто и мир не представим иным —
без войн и отчаянных бурь?

* * *

Взглянуть на пик горы родной
всегда ты будешь рад.
Но может милая порой
твой опечалить взгляд.

* * *

О неужели из глубокой тьмы
лицо твое сверкнуло мне луной?

Здесь на земле с тобой расстались мы,
но образ твой витает надо мной.

* * *

О как изменчивы судьбы и лица.
Что направляет уверенно путь?
Может верблюд на глазах превратиться
в юркую мышку и в норку нырнуть.

Может лягушка стать добрым батыром
иль обернуться внезапно горой.
Что управляет таинственно миром,
где начинаются трус и герой?

* * *

Не ты ли, Природа, великая мать
всего, что дыханием жизнь славословит.
В тебе возродиться, в тебе умирать,
родная по духу, родная по крови.

Как много прекрасных детей у тебя,
и все же ответ человеку, Природа,
зачем неразумное плачет дитя
в минуту прихода, в минуту ухода?

* * *

Легко-легко, как бы шутя,
взошли зерна ростки.
В игре созреет и дитя —
как хлеба колоски.

* * *

Слово в малом большое увидит,
и печаль и беду отведет,
и спасет от жестокой обиды,
и развеет скопление невзгод.

Утешеньем сиротам и вдовам
служит искренней речи родник.
Знает силу великую Слова
сединай убеленный старик.

* * *

Туманные долины
и мелкий дождь с небес,
шумящие вершины
и темный смутный лес —

как образы покоя,
сошедшие с картин,
где мир навек устроен,
и прочен и един,

где остановлен взглядом
осенней стаи взлет
с ребристой темной глади
прозрачных чутких вод.

А если вьется круто
тропа под скакуном,
и песнь в одну минуту
вдруг полыхнет огнем —

предстанет мир мятежным,
всему наперекор.

И пламенной надеждой
сверкнет тревожный взор,

кипя слезой горючей,
вновь сердцу жить веля:
в луче звезды падучей
поля, поля, поля!

* * *

У слиянья двух великих рек,
где излуки-груды спят, мерца,
я сижу, уже который век,
голову склоняю, восклицая:
— Где ты, где ты, Родина моя,
отчего тебя не слышу я?!

* * *

Родина,
тишайший мой Алтай,
отчего из мрака мирозданья
донеслось, как будто невзначай,
хриплое, тяжелое дыханье
сизых

скифских

непростых времен
и отозвалось в душе стозвонно?
Так вот камнепады своевольно
пазырыкский оглашают склон.

И опять наступит тишина,
и опять нахоятся курганы,
времена — лихие стремена —
пронесутся, словно ураганы,
и растают в звездной глубине,
пропадут, не воплотившись в слове,
оставляя на беду во мне
смутный голос закипевшей крови.

* * *

Намжилу Нимбуеву

Встретимся ли снова невзначай,
но уже в ином,
нездешнем мире?
Я не знаю. Но забыть тебя
не дает знак дружбы нашей чистой —
серый журавленок
в моем сердце.

* * *

Бумаги тонкий лист
мне говорит так много.
Лежит он, бел и чист,
как зимняя дорога.
Стихи — к строке строка.
И распахнулась дверца —
и повела рука
гостей моих из сердца.

* * *

Отчего в моих снах, занавешенных сумраком сизым,
словно свет, что вливается чистым звенящим лучом,
воздух тающим звуком волшебной свирели пронизан—
это вновь эдиски шепчет древним своим языком.

И цветенье улыбки во сне на лице оживает.
Но лишь только открою в надежде глаза, новый день,
как тревожная темная даль, ту свирель затмевает,
на лицо мое снова бросает привычную тень.

И мне кажется, словно в пронзительно-черном просторе
звуки меди напевами чуждого мира звенят,
наполняя мне грудь, как тяжелое смутное горе.
Где же ты, эдиски, где же звуки, что мир осенят?

* * *

Одно утешение — верить
в пришедшую рано весну...
Открою на Родину двери,
на отчее небо взгляну.

Год Тигра, пора очишенья,
отчаянья, силы, любви,
стремителен месяц Цветенья
Кандыка. Ликуй и живи!

С предутренней дымкой Алтая
отрадно над миром лететь,
без страха себя обрекая
на жизнь, на любовь и на смерть.

На гребне высоком зеленой горы
костер разжигают подруги.
Траву-сухостой, и кусочки коры,
и ветки собрали их руки.

Их смуглые щеки на скулах горят,
от бликов огня розовеют.
Вот рядышком сели, внимателен взгляд —
ладони над пламенем греют.

Пылает сильнее и ярче стократ
над гребнем горы потемнелым
багровый, подернутый дымкой, закат,
во тьму уходящий несмело.

Две девушки ветки бросают в костер,
горячие угли сгребают,
и вяжут речей осторожный узор,
и сердца урок постигают.

Роятся в их мыслях и шутка, и смех.
А если узнать ты захочешь,
о чем их заботы, — спроси не при всех,
серьезно спроси, между прочим.

Лихими расспросами не обижай —
и в радостный миг откровенья
поверят раздумья свои невзначай,
как другу, отринув смущенье.

Пошли им удачу, вещунья, скорей,
застенчивым милым подружкам —
тропинку под сенью тенистых ветвей
открой им под пенью, кукушка,

и радость улыбки с лица не сотри.
Спустились по горному гребню
подруги в долину. И светом зари
огонь в них пылает и крепнет.

**ПЛАЧ ДЕВУШКИ,
ПРИНЕСЕННОЙ В ЖЕРТВУ ВРАГАМИ**

Безмерно горе девушки Шудур.
Долина Яйлагуш полна печали —
трава здесь мягче выделанных шкур,
и кедры гордые на кручах встали.

Здесь коршун черной точкою парит
в бездонном небе, чистом и глубоком.
Старинное преданье говорит
о зле, содеянном врагом жестоким.

Алтайцы были угнаны в полон.
Отряд захватчиков обряд ужасный
свершил. И был покрыт зеленый склон
невинной кровью девушки прекрасной.

Но градом каменным Алтай сразил
злодеев, говорится так в преданье.
И бережно народ наш сохранил
казненной девушки плач-причитанье:

— О мой прекрасный голубой Алтай,
нет у тебя защитника-владыки!
О мой любимый опустелый край,
повсюду — взятых в плен мольбы и крики.

Зачем я родилась на белый свет
хранительницей очага и дома?

О небо синее,
дай мне ответ:
за что мне эта смертная истома?

О если б я женщиной родилась,
с врагом бы я сражалась беспощадно.
Хочу я,
чтоб мечта моя сбылась,
чтоб я не стала жертвой безотрадной:

пусть кровь моя и песнь моя, Алтай,
твоим последним станут
тяжким горем.
Вновь расцветет пусть мой родимый край,
народ, воспрянув, возродится вскоре!

Прощай, прощай,
долина Яйлагуш,
пусть твои кедры вечно зеленеют.
Святую кару на врага обрушь,
о небо! — нет защиты нам сильнее...

* * *

— Даже щеки устали, так долго свистел, —
рассказал шалопай деревенский.
Я причину поступка понять захотел,
он ответил вполне откровенно:

— Захотелось узнать, отзовутся ли мне,
что в ответ от других донесется? —
Я задумался, стало обидно вдвойне:
— Ничего, кто-нибудь отзовется.

НАСТАВЛЕНИЕ САНАТА СЫНОВЬЯМ, УЕЗЖАЮЩИМ НА УЧЕБУ

На солонец мы пришли на рассвете,
было свежо. Напоследок меня
славно прадовали дети.
Как подросли вы, мои сыновья!
Выстрелом метким косулю свалили —
вот и в дорогу гостинец тайги.
Вижу, уроков моих не забыли.
Пусть будут твердыми ваши шаги:
завтра уедете в город далекий,
на год расстанемся, дети мои.
...Летом в дожди или на солнцепеке
вы нам работой своей помогли.
С матерью вашей мы вами довольны:
вместе со мною, покинув дом,
коней табуны пасли на раздолье,
в горном Куюме.
Успели потом
труд разделить материнский нелегкий —
на зиму сена впрок запасти.
В грозы лихие с привычной сноровкой
жаркий костер могли развести.
Под мощным кедром слепыми щенками
не прятались, в страхе пугливом дрожа.
Но быстрый огонь у вас под руками
тьму пробивал, как ударом ножа.
Не забывайте учебу тайги!
И потому в интернате
знаний добро до последней строки
берите и умножайте.
Надо о солнце и о луне,
о выходе в космос знать.
О морях-океанах, чужой стороне
сможете вы прочитать.

Грамоту леса и письма зверей
на белой бумаге снегов
мудро читайте. И будьте смелей,
пролагая тропу из слов.
Не забывайте примет, сыновья,
чтобы не жить наугад:
если бежит бурундук, вереща,
это к дождю, говорят,
если туман поднимается вверх —
вскоре рассеется он.
Пусть вам сопутствует в жизни успех,
тропа не пойдет под уклон.
Густ, непролазен склон Адагана,
не забывайте отцовский наказ.
Я повторять его вам не устану,
годы чужими не сделают нас.
Но главный язык — язык молока,
которым вскормила вас мать:
да будет речь души глубока,
чтоб правду от лжи отличать.
Помните, дети мои, всегда,
как птица крылья свои,
я простираю руки свои
через миры и года...
Не забывайте дороги назад —
к роднику ладони моей.
На этих мозолях твердо стоят
вехи грядущих дней.
Но терпкая горечь и радость моя,
как теста густого замес, —
в вас навсегда — как священный наш лес,
как наш Адаган, сыновья,
откуда стекает звенящий исток,
в дорогу пора —
приходит вам срок.

* * *

Тесным кругом собирались старики,
новости неспешно узнавали.
Были речи их степенны, глубоки.
Чай зеленый в пиалу им наливали.
И дымок, клубясь над трубкой, голубел.
На пирах они с достоинством сидели.
Тех времен волшебных сказочный удел
старинною был завещан с колыбели.

На халате легком пуговицы блестят,
отливают перламутром при луне.
Замыкает он¹ кругом тесный ряд,
а невеста с женихом чуть в стороне.
До рассвета пела песни молодежь,
и была вселось с трезвостью в ладу.
...Отчего ж у юных нынче не найдешь
давней песни, отгоняющей беду?

* * *

Нет, не увидишь на людях сейчас
шапок-кубанок. И нет ташауров² —
кожаных, с вязью, приятной для глаз,
сделанной ловко тиснением ажурным.

Мудрого старца найти б повезло.
Таинства знаки утеряны нами.
Кто, наконец, пресечет это зло:
пьянство и злобную брань с кулаками?

¹ Он — игрище.

² Ташаур — кожаный сосуд.

Где красоты нашей новой родник —
старая изгнана нами из быта.
Кто же наставник и кто ученик —
связь поколений неужто забыта?

* * *

Но черного врага не пожалей,
иначе наживешь исход плачевный.
И подведет тебя в беде твоей
друг ненадежный, стало быть, никчемный.
А вверишь сердце девице — ну что ж,
терпи за пазухою уголек горящий.
А если всех чужими назовешь,
твоя душа к другим уйдет скорбяще.
Отступишься — сойдешь с пути, увы.
За шагом шаг — и не заметишь даже,
когда и как лишился головы,
и не найдешь вовек своей пропажи.

* * *

На перепутье шести дорог,
сверкая розовыми клыками,
следя медлительными зрачками
за перехлестом людских тревог,
я, словно сказочный Ак-Бури¹
с хвостом длиной в полусотню сажен,
как прежде ловок, силен, отважен,
купаясь в алых лучах зари,
все жду тебя, мой вернейший друг,
Кускун-Кара, богатырь могучий,

¹ Ак-Бури (Белый Волк), Кускун-Кара (Черный Ворон) — персонажи алтайского эпоса.

гляжу на степи, леса и кручи,
ловлю во времени каждый звук.
Быть может, снова ты стал бобром,
быть может, принял ты образ зверя,
чтоб сохранить человечность, веря
в неиссякаемое добро.
А быть случится лихому году,
ты воротисься опять к народу.

* * *

Возвестило пенье петухов
новый день. Вмиг ожила деревня.
Гул и шум пошел со всех дворов.
И как повелось у нас издревле:
лай собачий всюду зазвучал,
замычали от души коровы,
дым над трубами клубиться стал,
дети вновь проказничать готовы,
Все ворота заскрипели вмиг,
с хлопаньем дверей перекликаясь.
Вот на улицах и скот возник,
к водопою чинно направляясь.
И людской негромкий разговор
эхо гор окрестных подхватило.
Загорелся радостью мой взор:
что же за ночь землю изменило?
И сосед Бексё промолвил мне:
— Погляди, зима пришла... Светает.
Хорошо в родимой стороне!
Чист Алтай. Народ беды не знает.

ЗНАКИ НА ПЕСКЕ

* * *

Я прибыл сюда, словно точки достиг.
Вот Западный берег. Вот даль голубая.
Хочу за черту заглянуть хоть на миг,
свой образ при этом в душе сохраняя.

А мысли идут, как круги по воде,
и мир окружающий плавно объемлют.
Как будто прозрел: сердце мира везде.
Я берег открыл, неизвестную землю.

ЗАКАТ

Когда закат над морем пламенеет,
на бледном небе чуть видна звезда.
Но сумерки сгущаются, темнеют,
колышется тяжелая вода.

И над волною солнце повисает,
как раскаленный и багровый шар.
Душа моя, как море, отражает
в полнеба разметавшийся пожар.

Спускается усталое светило,
как будто покидает небосвод,
как будто на глазах оно остыло
и прячется в пучину темных вод.

В подводном царстве к солнцу сон приходит.
На небе светит яркая луна:
у солнца — повелителя природы —
печальная красавица-жена.

Сверкают звезды, только всех прекрасней
созвездие Семь Ханов¹ в небесах.
Но встанет солнце, и они погаснут,
и блики света вспыхнут на волнах.

ПУЙКА

Пуйка² — брат мой бледнолицый,
пуйка — маленький латыш.
Как с тобою объясниться?
Я молчу, и ты молчишь.

Знаешь ты по-русски плохо.
Мне латышский незнаком.
И подумал я со вздохом:
расскажу тебе потом

о своей земле алтайской,
о синеющих горах.
Всей душою попытайся
отогнать незнания страх.

Как в романе Янка Зитар³,
очень скоро ты поймешь,
что судьба, как даль, открыта,
что простор вокруг хорош.

¹ Семь Ханов — созвездие Большая Медведица.

² Пуйка — мальчик (латышск.).

³ Янка Зитар — персонаж из романа В. Лациса «Семья Зитаров».

Пусть мостом великим служит
русский, общий нам, язык.
Нам понять друг друга нужно.
Словно рыба, ты привык

к морю. Смело ты ныряешь,
исчезая под волной.
Как улыбкой ты сияешь,
прядью светишься льняной!

Наше море — величаво,
но оно из камня, друг.
И налево и направо
горы замыкают круг.

Места нет пустым обидам,
примем мудрости черту:
в красоте чужой увидим
родственную красоту.

Что всего грустней на свете?
То, что грустно и у вас.
И тебе скажу я «свейке!» —
по-латышски в этот час.

ГОЛУБКА

Плескалось море под моим окном.
Луна сияла, в водах отражаясь.
Сосна, овеянная зыбким сном,
стояла, шелестя и чуть качаясь.

Голубка на балконе у меня
свила гнездо, не зная опасенья.
И в знойный полдень, и на склоне дня
не прекращалось плавных волн движенье.

И мне казалось, море и луна,
и темная сосна с тяжелой кроной —
все одаряло целый мир сполна
таинственностью радостной и скромной.

И знало все — мне показалось вдруг, —
о чем я думал, и моей печали
не замыкался тесный узкий круг:
со мною море и луна молчали,

со мной сосна грустила в тишине,
я видел целый мир в песчинке малой.
Голубка сизая, поведай мне,
как мне уйти от горести усталой.

Своих птенцов ты выведешь на свет,
все заслонит тебе о них забота.
Детей, моих птенцов, со мною нет,
кто даст им радость вольного полета?

* * *

Я Кемери помню: селенье на взморье,
на станции девочку — с банкой клубники —
с прозрачною каплею света во взоре,
и чаек глухие гортанные крики.
Меня покорило название деревни,
и я повторял его снова и снова,
последнему слогу дарил ударенье —
звучит как алтайское древнее слово.
Единая радость есть в грусти о детстве.
Как отзвук родной чуждадельного слова,
у девочки в Кемери, если взглядеться,
глаза словно капли дождя золотого.

ИМАНТЫ

Мне имя Имант много говори.
Герой романа Лациса был с нами —
им новый берег жизни был открыт
в ту пору с беженцами-латышами.

В германскую войну приехал он
к нам на Алтай работать, первый Имант.
И был читатель сразу покорен
героем и запомнил это имя.

Я подружился с Имантом в Москве,
объединяющей сердце стремленье.
О море, о горах, степной траве
мы говорили с ним в самозабвенье.

Мы так легко нашли один язык,
как будто он мне братом приходился.
Я к Иманту второму так привык,
как будто с ним в одном селе родился.

А третий Имант в Юрмале родной
живет. Там возлежит в ладонях моря
латышская земля. И над волной
кружатся чайки, колыбельной вторя.

Три Иманта... Дышали их слова
уверенностью, силою упорной:
так говорили, словно жернова
ворочали, размалывая зерна.

Понятны мне три Иманта вполне.
Чужими быть народам нет причины.
На Рижском взморье, на крутой волне
мне грежутся алтайских гор вершины.

О Западе я думал на Востоке,
на Западе я понял мой Восток.
Мне кажется, сместились жизни сроки,
понятий обнаружился исток.

Стихи, что я на Западе задумал,
лишь дома стали песнею моей.
И улигер¹, с его волшебным шумом,
порой на Западе звучал ясней.

И мы спешим, несем друг другу вести,
чужие прежде, сблизились теперь.
Осознавая жизнь, свое в ней место,
в пространство мысли открываем дверь.

1976 г. Юрмала

ВРАТА ТАМЕРЛАНА

ТАШКЕНТЦАМ

Неужто здесь свирепая стихия
Безумствовала, как могучий зверь?
Отстроен город, и следы лихие
Исчезли — хоть глазам своим не верь!

Восстал Ташкент, как богатырь из праха,
Как Алпамыш — смертям наперекор.
Упрянула стихия норов страха
От удивления в глубины недр и гор.

¹ Улигер - эпическая песнь.

Друзей моих улыбки белозубы —
Любое дело по плечу таким!
Улыбкой отвечают мои губы.
О, братья! — гулко сердце вторит им.

САМАРКАНД

Узор минаретов — змеиная кожа.
Халаты — на зависть сорочьей красе.
И так на восточные сказки похожи
Веселые краски пустых медресе.
Троллейбус по улочке едет старинной,
И старцы почтенные в каждом окне.
Вот так же, наверное, важно и чинно
Мог каждый старик восседать на коне.
Их лица спокойны и невозмутимы.
Чалмы белоснежной белей бороды.
Как будто пожаров и черного дыма
Не ведала эта земля никогда.
И словно не знала нашествий и плена,
Ни свиста плетей и ни пения стрел...
Но знала, что снова восстанет из тлена, —
Таков у земли этой вечной удел.
...А вот на горячий асфальт Регистана
(Глазеют приезжие: «Ну, чудеса!»),
Толкая осла пред собой неустанно,
Въезжает арба — два больших колеса.
Устас¹ ею правит. Коричневы руки.
Под солнцем вспотевшая шея крепка.
Вбирает, как воздух, все краски и звуки
Открытая осени грудь старика.

¹ Устас — мастер, ремесленник (узб.).

Спешит на базар он, где толпы народа.
И думает он о крестьянских трудах.
О том, что устроена мудро Природа.
О том, что напрасен был старости страх.

ГУР-ЭМИР¹

Так вот в какой гранитной колыбели
Тимур свой буйный нрав смирил навек!
А рядом с дедом в каменной постели
Спит вечным сном великий Улугбек.

Был грозный дед разбойник и воитель,
Считал войну началом всех начал.
А внук его — ученый и строитель,
Вселенную по звездам изучал.

И вот теперь в прохладном полумраке
Хранят их сон гробницы купола.
Затейливы арабской вязи знаки:
Тому хвала. И этому хвала.

И как понять нам тайну погребенья?
Ведь в этом склепе вместе сведены
Два символа извечного боренья:
Дух светлый мира — темный дух войны.

И внук, и дед... Мудрец — и полководец...
Молчит бездонный времени колодец.

¹ Гур-Эмир — усыпальница древних правителей Самарканда Тимура (Тамерлана) и Улугбека.

ВЕЧНАЯ МЕЧЕТЬ

Встает мечеть Биби-ханым прекрасной,
Как символ красоты, через века.
И краски смыть пытается напрасно
Со стен мечети времени река.

Как память о любви и о гордыне
Ее велел воздвигнуть Тамерлан.
Тот вечный дар жене стоит поныне,
Чтоб знали, как умел любить султан.

Свирепой бурею промчались годы,
Сметая троны, царства, города.
Где прежние владенья? Где народы?
Где тот, кто их всю жизнь сгонял сюда?

Нет Тамерлана. Нет его владений.
В земле изъеден ржавчиной тесак.
Сгорев дотла, рассыпались поленья
На угольки — знать, тесен был очаг.

Но все еще стоит мечеть из глины,
Со Временем побившись об заклад.
Сияют бирюзой ее руины.
И видят люди шесть веков подряд,

Что на земле одна держава вечна.
Любовь ей имя. Нет у ней конца.
Что сквозь поток столетий быстротечный
Ее несут живых людей сердца.

СЕРДЦЕ САМАРКАНДА

Рассыпаны стены в руины
Дыханием знойных веков.
Но крепче, чем стены те, спины
Идущих в толпе стариков.
Их смуглые добрые лица
Сработал старинный чекан.
Не с ними ль пытался сразиться
Их сверстник, монгол Чингиз-хан?
Забыто название рода.
И воинский клич позабыт.
Лишь в памяти генного кода
Стихающий грохот копыт.
Мечети, как тени былого, —
Истории красочный дар.
И Площадь, где снова и снова
Клокочет гигантский базар.
Базарная старая Площадь!
Как сердце — за выдохом вдох —
Качаешь и денно и ночью
Ты кровь государств и эпох.

ЦЕНА ТРУДУ

Слова: «Восток — владенья торгаша»
Не стоят даже стертого гроша.

Взгляните: это все, за веком век,
Трудом упорным создал человек.

Земля признала здесь его труды:
Куда ни глянь — везде цветут сады.

И даже зною — сторожу пустынь —
Он приказал: «А ну-ка, брат, остынь!»

И там, где раньше правила беда,
Белеет хлопок и журчит вода.

Но славен древний край Узбекистан
Не только трудолюбием дехкан.

Работают, не покладая рук,
Питомцы муз, служители наук.

Потомки Авиценны, Навои
Вершат упорно здесь труды свои.

Вот, скажем, физик, Улугбека внук —
В Москве прошел свой первый курс наук.

Так кто же, против истины греша,
Сказал: «Восток — владенья торгаша?»

В стране моей цена труду одна:
Трудом людей красна моя страна!

ИМЯ

Отшумели ташкентские встречи.
Я простился с друзьями своими.
Буду помнить их облик и речи.
И еще буду помнить я имя.
Вижу в ваших глазах знак вопроса.
— Это имя поэта и друга
Из далекого племени Коса
С африканского черного Юга.

— Что за имя? — меня вы спросили.
— Кеорапетсе Кгоцитсиле!

Да, мне тоже казалось сначала
Это имя рекою без брода.
Этим именем громко кричала
Боль звенящего цепью народа.
А хотите ли знать, как поэта
Звали белые в Африке жаркой?
Что короче, чем кличка эта —
Поводок полицейской овчарки?

— Что за кличка? — меня вы спросили.
— Вилли!

КЛИКИ ДИКОГО ГУСЯ

* * *

Вниз по Катуня над темной волной
гаснут печальные клики.
Гусь одинокий летит над рекой,
крылья печально поникли...

(Из алтайской старинной песни)

* * *

Вновь принял меня Ярославский вокзал
в кипящий толпой муравейник,
знакомую станцию кто-то назвал,
и замер я вдруг на мгновенье.

И вспомнилось мне, как на станции Лось
мы жили с тобою, не зная,

что в будущем быть нам не вместе, но врозь.
Как славно мы жили, родная,

В Москве, у дороги ее кольцевой,
где рядом лесная поляна,
в кругу тишины, под небес синевой,
не зная беды и обмана.

На станции с дивным названием Лось
лосей не найти и в помине.
Зачем мне так горестно отозвалось
счастливое прошлое ныне?

Припомнил я шум электричек сквозных,
себя на скамейке вагонной,
твой профиль, что, нежно сияя, возник,
над стопкой тетрадей склоненный.

Задумался я, и сквозь облако дней
твой взгляд, оживления полный,
твоих подопечных — рабочих парней,
вечернюю школу напомнил.

А помнишь землячества радостный круг
по праздникам в нашей квартире?
...В толпе на вокзале очнулся я вдруг,
один в торопящемся мире.

И мне захотелось сквозь толщу годов
пройти, как сквозь толпы людские.
Войти в электричку? — и я был готов
увидеть места дорогие.

Ты к прежней себе не вернешься, а я
так в прошлом душою, что трудно
жить в нынешнем дне, забывая тебя,
но помня, но помня подспудно.

И надо ль на станцию Лось приезжать?
Что толку в названье прекрасном!
Здесь прошлое нам уже не отыскать,
и звать его тоже напрасно.

Но дети тебе, пусть потом, не сейчас,
напомнят меня без сомненья:
две пары смотрящих из прошлого глаз —
как наше с тобой отраженье.

* * *

Мои дети — две жемчужинки,
ничего дороже нет.
Ты ль, сыночек, ножкой узенькой
протоптал на сердце след?

Слезный жемчуг драгоценный
не дает легко уснуть,
камнем став обыкновенным,
лег всей тяжестью на грудь.

* * *

О если б знать мне правила разлуки,
чтоб их нарушить встречей с тобой!
Несет стремленье нас в напрасной муке
по движущейся лестнице крутой.

К тебе я обращаю взгляд с надеждой,
ты, опустив печальные глаза,
так медленно летишь ко мне, как прежде,
о, как тогда, как много лет назад.

О если б знать мне правила разлуки!
На движущейся лестнице крутой
за поручни схватились наши руки,
я спрашиваю взглядом: «Что с тобой?»

Течением нас уносит друг от друга.
И вновь ты головы не повернешь?
Ударило волной меня упругой,
пронзила сердце ледяная дрожь.

В метро мне показалась вдруг похожей
та незнакомка на мою жену.
И я на миг в той прежней жизни ожил,
где я любил, любил ее одну.

* * *

Я по давней привычке забрел в магазин,
чтобы выбрать ребенку игрушку,
но очнулся, вдруг вспомнив о том, что один
я остался, что дом мой разрушен.

Дети малые быстро растут, говорят,
но вдвойне сознать тяжелее,
что детей моих прежними помнит мой взгляд:
как я их бесконечно жалею...

* * *

В двухтысячном году мой сын войдет
в прекрасный возраст зрелого мужчины.
Тысячелетья нового восход
ознаменуют новые причины.

Кем станет к двадцати семи годам
мой сын, поймет ли путь отца родного?
Прими, мой сын, я все тебе отдам:
Алтая дух, его живое слово.

* * *

Снова глаза ее вижу воочью,
как они искренни, как глубоки.
Пряди волос ее, в темени ночи,
льются, касаясь моей щеки.

Память моя, ты не знаешь забвенья.
Это не мечь, но печальный исход
той нелюбви и того отчужденья,
что за любовь порою живет.

Как мы от прежних себя удалились,
как заблудились в потемках души?
Мы ли с тобою друг к другу стремились,
мы ли спустили себя за гроши?

И не сумели понять в ослепленье,
что не вернуть нам потерю свою.
Вспыхнуло нашей судьбы озаренье —
память, помедли у тьмы на краю.

Словно бы поезд навстречу промчался,
в разные стороны нас развело.
Чудо того невозвратного часа
с юностью нашей навеки ушло.

Дикий гусь одинокий...

Ду Фу, VIII век

В жизни нам только однажды
полная мера дана
и утоленья, и жажды.
В чем же моя вина?

Юные годы, как реки,
в русло большое вошли,
слившись в одном человеке,
чтобы исчезнуть вдали.

В пору студенческой жизни
наша возникла семья.
Радость удачи капризной
вспомним и ты, и я.

Было в кармане не густо —
звонко звенели сердца.
Не было места для грусти,
свет исходил от лица.

Не было зла и раздора,
мы не боялись невзгод,
не уставали в ту пору
от повседневных забот.

Искренне времени верил,
честно жене доверял.
Был я счастливым без меры,
только об этом не знал.

И напевал постоянно
старую песню о том,
как дикий гусь безымянный
плачет о счастье былом.

Полные светлой печали,
часто слова я твердил,
словно бы в самом начале
счастье свое упустил.

Были предчувствием дальним
строчки старинных стихов.
Не понимая печали,
стал я к печали готов.

— Нам предрекаешь разлуку! —
часто шутила жена.
Горькую тайную муку
первым я выпил до дна.

Если б вернуться в ту пору,
знать, что ответить тебе —
нежному грустному взору,
прежней единой судьбе.

* * *

Предвещает осенние дни
светлый облик дикого гуся.
Гаснут в небе, словно огни,
клики долгие, полные грусти.

Он летит на границе небес,
задевая за горные гребни,

и, роняя перо в темный лес,
он единой надеждою крепнет.

И усталость его не к добру,
и роняет он белые перья.
На холодном свистящем ветру
сохранил он к подруге доверье.

Клики долгой печали летят —
горы эхом глухим повторяют.
Дикий гусь, в дальнем небе мой взгляд
пусть тебя никогда не теряет...

* * *

Лишь теперь разгадал я
любимые строчки поэта.
Помню птиц над долиной Катунь,
спешивших на юг улететь.
Если б знать мне тогда,
что исполнится эта примета!
Но старинная песня
умеет печалью согреть.
В наши дни, что поделаться,
разлука не редкой бывает.
Мне остывшие угли души
ворошить ни к чему.
А в саду подмосковном
соловей так поет,
словно знает
то, чего я никак,
то, чего никогда не пойму.

БАЛЛАДЫ О ДНЯХ НЫНЕШНИХ, БЛИЗКИХ

БАЛЛАДА О ЯБЛОКАХ

Немало есть того, что источает
свой аромат, целебный иль приятный,
и комнаты, и мысли очищая,
курится благовоний дым отрадней —

в нем с детства можжевельник различаю,
и лапу хвойную, траву степную.
Но одного я все-таки не знаю —
по одному и до сих пор тоскую:

неповторимым, тонким и щемящим
для нас был запах яблок в годы детства,
когда посылочный фанерный ящик
мы открывали, чтобы наглядеться

на груди яблок, круглых и румяных.
Мы повторяли слово: Украина...
Была нам сказкой о далеких странах
садов цветущих чудная картина.

Что говорить, ведь был для нас привычным
лишь запах толокна или курута ¹,
или бульона крепкого из дичи,
приправленного диким луком круто.

В воображеньи рисовалось много:
то старый Бульба, то матрос Жухрай.

¹ Курут — сушеный творог.

И мы поверили всему, что Гоголь
рассказывал, рисуя дивный край,

хотя отец рассказывал иначе:
о пепелище — что ни дом — труба
разрушенной печи, где ветер плачет;
о том, что в городах гремит пальба.

Солдат запомнил командира роты
и разыскал его почтовый адрес,
запомнил молчаливого ойрота,
с которым свыкся, видно, года за три.

И к ноябрю, и в новогодний праздник
к нам от него посылки приходили.
И груш, и яблок аромат прекрасный
мы до сих пор в душе не позабыли.

Не надо ждать, пока придет излишек.
И на добро добром мы отвечали.
Смолистый дух тугих кедровых шишек
и мы в ответ с любовью посылали.

Колхозный бригадир, войну прошедший,
как его звали, я не помню точно.
В те годы и ему жилось не легче,
и он семьей большой был озабочен.

Мы в смерть его не верили вначале—
и страшен был ее свирепый образ:
бык черный, племенной, так нам писали,
пронзил его рогами, вспучив ноздри.

БАЛЛАДА О ЛЕНИН-ДИАСЕ

В пору осени темной, ненастной
бьет холодными пальцами дождь
по окну, монотонный и частый:
мол, не слишком ли тихо живешь?

И в мерцании телеэкрана
я увидел его в первый раз:
отделенный от нас океаном,
мне понравился Ленин-Диас.

Это странное имя чилийца,
и страны его узкий рельеф,
убежденный рассказ очевидца
и гортанная речь нараспев —

все меня потрясло удивленьем.
Непритворная радость людей
вдруг меня обожгла на мгновенье
и заставила думать светлей

о стране, что расправила крылья, —
ярким был оживленный рассказ.
А в глазах его ясных, открытых —
теплый свет. Имя — Ленин-Диас!

Дальний брат мой, пусть я не увижу
и не встречу тебя никогда,
для меня ты останешься ближе
многих, с кем я знаком был года.

Сын шахтера на севере Чили
стал надеждою бедной семьи.
Чтобы стать инженером, учился
он в Москве, здесь встречался с людьми,

здесь прошел полный курс в институте.
И особой науки наказ
быть в ответе за землю, по сути,
принял искренне Ленин-Диас.

Наши судьбы с тобою похожи,
друг далекий. Мне русский язык
близким стал, как тебе, и я тоже
знаю: Ленин ведет напрямик.

Мой отец имена со значением
нам давал (было семеро нас).
Имя каждому — как наставленье,
путеводная нить в трудный час.

Так отцы, о добре беспокоясь,
знали верную цену словам.
Быть другим не позволит мне совесть:
как я имя такое предам?

Где ты нынче, никто не ответит.
Может, мертв, иль в застенках сейчас?
Вижу путь твой, сквозь камень и ветер,
брат далекий мой, Ленин-Диас!

БАЛЛАДА ОБ ОТЦЕ

От старых ран отец наш умер,
оставив пенсию семье
и нас оставив в вечной думе:
как быть, что делать на земле.

И не смогли мы отстраниться
от безотцовщины, нужды.

Порой истории страницы
темны от крови и беды.

И все ж судьбою сопричастны
с людьми мы были и страной.
И потому частица счастья
не обошла нас стороной.

Наш старший брат стал инженером,
вернулся из Москвы домой,
став для других детей примером,
опорой всей семьи большой.

Немного лет прожил на свете
отец, и все ж прожил сполна.
Он чувствовал себя в ответе
за все мечты твои, страна.

На землях кулаков Уймона
он с юных лет был батраком.
И свет звезды краснознаменной,
и звезды в небе за окном

сияли огненно и чисто
в его бесхитростной судьбе.
И был он в честности неистов,
и жизнь свою прожил в борьбе.

Я понял навсегда и разом,
что нашей жизни рубежи —
лишь сердце доброе и разум,
не знающие зла и лжи.

Как он мечтал о знании свете,
о том, что тьме придет конец,

о том, что выучатся дети, —
был самоучкой наш отец.

В нем не было стремленья к славе.
С тех пор прошло немало лет:
он в нашей памяти оставил
кристальной совести завет.

БАЛЛАДА О ПОДРЕЗАНИИ КРЫЛЬЕВ

Мчались взмыленные кони.
Уносился ветер прочь.
В страшном топоте и стоне
начиналась эта ночь.

У горняцкого поселка
под названием Акташ
мчались люди, как от волка, —
страх великий, дикий раж.

Полуслепы, полупьяны,
лиц во тьме не разглядеть.
Лишь земля на топот рьяный
отзывалась, словно медь.

А куда они летели —
не беду ли отвести,
иль спасти кого хотели?
...Деньги, смятые в горсти.

Не тушить пожар бежали,
не спасались от беды,
и коней своих загнали —
ради огненной воды.

Что сказать? Но этот топот,
это эхо, плач коней —
словно чей-то страшный опыт,
что уводит в пропасть дней.

Мне они глаза открыли,
боль вошла, как в сердце нож:
если вдруг подрежут крылья,
прежней доли не вернешь!

БАЛЛАДА О НЕЙТРОННОЙ БОМБЕ

Баиру Дугарову

Мальчуганом,
ходившим под стол пешком,
я однажды услышал,
сидя под ним,
речь старика-соседа:
«Мне возвестил старец Ада вчера,
что скоро выйдет на землю к нам
чудище злое — алмыс».
Смех был ответом на эти слова,
мол, помутилось чуть-чуть в голове
у старика-соседа.

...В это далекое время
Чингисские горы
лишь начинали слегка
сотрясаться от взрывов,
и по равнинам пустынной Невады
летели, клубясь,
пожирая несчастных койотов,
смертельные вихри,

а над вековой тишиною Лобнора
еще не вздымались, как ныне,
косматые желтые тени
бомб водородных.

А мы, несмышленные дети,
дрожали при мысли
о страшном-престрашном алмысе,
его представляя,
как водится в сказках,
косматым, седым,
с обжигающим взором
под низко надвинутой шапкой,
с когтями,
а место, где должен он выйти, —
пустынный распадок Сору.

И разве мы знали,
наивные дети природы,
что вышел давно он
и свищет по белому свету,
воздушные лайнеры
быстро его переносят
с одной части света в другую, —
сбегает по трапу,
улыбкой своей ослепляя,
высокие речи с трибун
говорит на конгрессах,
к услугам его —
деньги, люди,
а сам
все носится,
носится огненным духом,
и дьявольский след
наполняется кровью
детей, матерей...

БАЛЛАДА О НАДЕЖДЕ

В начале зимы,
года четыре назад,
среди неоглядных сибирских равнин,
при тусклом мерцающем свете
плацкартного незасыпающего вагона,
не веря глазам,
вчитался я
в маленькое газетное сообщение
о смерти учителя,
двери открывшего мне
в поэзию.

Я выдержал этот удар,
безмолвно крича,
И долго еще в сердце боль
не стихала.
А рядом со мной два поэта
шлепали картами
о чемодан.

В разгаре зимы,
год ровно назад,
когда затерявшийся наш городок
засыпали белые хлопья,
вернувшись под вечер домой,
я понял, что с этого дня
нет больше жены у меня.
К далекому югу,
туда, где легко и тепло,
как поздняя птица за стаей,
она улетела.
Что делать,
дороги, которые нас выбирают,
не часто по сердцу приходятся близким.

Я выдержал этот удар
и понял,
что, мучаясь, все же смогу пережить
утрату жены
и даже утрату детей,
но родину мне
ради теплого юга оставить
нельзя, невозможно.

На склоне зимы,
в этом году,
вчера,
в парикмахерской барнаульской гостиницы,
увидел я номер газеты,
которую сонно, томясь и скучая,
проглядывали клиенты.
Вздвогнув,
я с болью вчитался
в маленькое сообщение
о новых арестах в стране Бангладеш.
Человека, с которым я подружился
у праха великого Пушкина,
тоже арестовали.
Я вынес и этот удар,
всем сердцем познав,
как горек он, привкус свободы твоей,
когда несвободен твой друг.

И дело, наверно, не в том,
какая из них, из утрат,
больней прозвучала,
они помогли
мне веру в себя обрести.
Учитель, жена и товарищ,
прощайте
со мной остаются все лучшие ваши надежды...

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕСНИ

Песнь о Семинском перевале. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	3
Песнь юноши. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	4
«Если бы горы раскрыли с трудом...» <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	5
Возраст воли. <i>Перевод П. Кошеля</i>	6
Зимняя песнь комуса. <i>Перевод П. Кошеля</i>	7
«Огибая громадину Эль-Бабургана...» <i>Перевод П. Кошеля</i>	7
Песнь синего волка. <i>Перевод П. Кошеля</i>	8
Песнь возвращения. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	10
Песнь о торе. <i>Перевод П. Кошеля</i>	11
Песнь о кедре-человеке. <i>Перевод П. Кошеля</i>	13
Песнь о ковчеге. <i>Перевод П. Кошеля</i>	14
Песни золотой кукушки. <i>Перевод П. Кошеля</i>	15
Песнь-ответ Хан-Алтая. <i>Перевод П. Кошеля</i>	19
Песнь обретения сил. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	21
Песнь об Эн-Учук — Долгой Гряде. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	22
Песнь о разорении Алтая. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	23
Песнь Шуну. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	24
Песнь о Дьер-Су. <i>Перевод П. Кошеля</i>	25
Возжигание огня. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	26
Бурханистские песнопения. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	27
«На свете есть ларец...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	27
Похвала женщине-мастерице. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	28
Призывание ветра. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	28
Песня валяльщиц войлока. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	29
Песня при выделке кожи. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	30
Слово для изгнания или успокоения ветра. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	30
Слово при болезни корью. <i>Перевод П. Кошеля</i>	31
Плач сороки. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	32
Колыбельная песня матери. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	34
Слово огню после удачной охоты. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	36
«Пусть приумножатся стада...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	38
«Что сладостней всего, ответ?...» <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	39
Тысячеустое слово-чечен. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	40
«Взгляну ли вверх — родные небеса...»	40
«Навеки дается нам в жизни отец...»	40

«Что значит песня, если в ней...»	40
«Нацелил сокол острый глаз...»	40
«По всходам можем мы понять...»	41
«Глазам открыт весь обозримый путь...»	41
«Шей дочери к свадьбе наряд...»	41
«Слова мужчины вдруг я услышал...»	41
«Не знал ты предвестника новых дорог...»	41
«Сиянье женской красоты...»	42
«Любовь таит свое очарованье...»	42
«Неужто покажется небо пустым...»	42
«Взглянуть на пик горы родной...»	42
«О неужели из глубокой тьмы...»	42
«О как изменчивы судьбы и лица...»	43
«Не ты ли, Природа, великая мать...»	43
«Легко-легко, как бы шутя...»	43
«Слово в малом большое увидит...»	44
«Туманные долины...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	44
«У слиянья двух великих рек...». <i>Перевод П. Кошеля</i>	45
«Родина, тишайший мой Алтай...». <i>Перевод П. Кошеля</i>	45
«Встретимся ли снова невзначай...». <i>Перевод П. Кошеля</i>	46
«Бумаги тонкий лист...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	46
«Отчего в моих снах, занавешенных сумраком сизым...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	47
«Одно утешение— верить...». <i>Перевод П. Кошеля</i>	48
«На гребне высоком зеленой горы...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	48
Плач девушки, принесенной в жертву врагами. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	49
«—Даже щеки устали, так долго свистел...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	50
Наставление Саната сыновьям, уезжающим на учебу. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	51
«Тесным кругом собирались старики...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	53
«Нет, не увидишь на людях сейчас...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	53
«Но черного врага не пожалей...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	54
«На перепутье шести дорог...». <i>Перевод П. Кошеля</i>	54
«Возвестило пенье петухов...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	55
«Возвестило пенье петухов...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	55

ЗНАКИ НА ПЕСКЕ

«Я прибыл сюда...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	56
Закат. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	56
Пуйка. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	57
Голубка. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	58
«Я Кемери помню: селенье на взморье...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	59
Иманты. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	60

«О западе я думал на Востоке...». <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	61
Врата Тамерлана. <i>Перевод М. Акчурина</i>	61
Ташкентцам	61
Самарканд	62
Гур-Эмир	63
Вечная мечеть	64
Сердце Самарканда	65
Цена труду	65
Имя	66
Клики дикого гуся. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	67
«Вновь принял меня Ярославский вокзал...»	67
«Мои дети — две жемчужинки...»	69
«О если б знать мне правила разлуки...»	69
«Я по давней привычке забрел в магазин...»	70
«В двухтысячном году мой сын войдет...»	70
«Снова глаза ее вижу воочью...»	71
«В жизни нам только однажды...»	72
«Предвещает осенние дни...»	73
«Лишь теперь разгадал я...»	74

БАЛЛАДЫ О ДНЯХ НЫНЕШНИХ, БЛИЗКИХ

Баллада о яблоках. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	75
Баллада о Ленине-Днясе. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	77
Баллада об отце. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	78
Баллада о подрезании крыльев. <i>Перевод Л. Олзоевой</i>	80
Баллада о нейтронной бомбе. <i>Перевод П. Кошеля</i>	81
Баллада о надежде. <i>Перевод П. Кошеля</i>	83

Бронтой Янгович Бедюров

ВОЗРАСТ ВОЛИ

М., «Советский писатель», 1983, 88 стр.
План выпуска 1983 г. № 391

Редактор Э. В. Балашов
Худож. редактор Д. С. Мухин
Техн. редактор И. М. Минская
Корректор А. В. Полякова

ИБ № 3619

Сдано в набор 20.12.82. Подписано к печати 27.04.83. А04542. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 3.85. Уч.-изд. л. 3.51. Тираж 10 000 экз. Заказ № 12936.

Цена 40 коп.

Издательство «Советский писатель»,
Москва, 121069, ул. Воровского, 11
Типография издательства «Коммунист»,
ул. Волжская, 28.

30-00

~~40~~к.